

чем общественно-политических. Социальные же противоречия отдельных слоев автором иллюстрируются на примере общественных движений, конфликтов и выступлений противоборствующих групп. Ф. Тиннефельд замечает, что находящиеся в городских домах рабы в этот период не представляли определенной политической силы; за исключением отдельных случаев, не прослеживается и связь между цирковыми партиями Константинополя и социальными организациями.

Особое внимание уделяет Ф. Тиннефельд месту религиозных группировок, еретических движений в общественной жизни Византии. В этом разделе в хронологическом порядке рассматриваются этапы церковной политики императоров, кратко освещаются такие религиозные направления, как гностицизм, манихейство, иудаизм, маркионитство, мессалианство, монофиситство и др. Анализируя традиции язычества, автор подробно останавливается на религиозно-философских предпосылках их сохранения в ранней Византии. В целом акцент здесь перенесен исследователем с определения социальной динамики на описание эпизодов церковно-политической истории Позднеримской империи.

В приложении помещен очерк, касающийся германской проблемы в IV в. Автор подчеркивает, что этнический аспект изучения варварских вторжений не является единственным и определяющим в комплексе *социальных* проблем изучения этих событий.

Таким образом, в целом книга затрагивает несколько узловых вопросов ранне-византийской общественно-политической истории: стратификация по правовому, экономическому, профессиональному, религиозному и этническому принципам, взаимоотношения различных политических, социальных, церковных партий и группировок, вытеснение ведущего положения одних форм собственности другими, борьба в составе господствующих слоев. В стороне остался важный вопрос о терминах и понятиях, в которых сами византийцы представляли себе общественную классификацию государства. «Имманентный» принцип анализа социологических проблем средневековья — в категориях, адекватных изучаемой эпохе — в новейших работах стал предпосылкой итогового, суммарного исследования с позиции научных запросов сегодняшнего дня. Необходимость такого подхода диктуется теми историкокультурными проблемами, о которых сказано самим автором в начале рецензируемой книги. Следует отметить хорошее знакомство Ф. Тиннефельда со статьями и монографиями советских ученых.

М. В. Бибииков

Iconoclasm, ed. by A. Bryer and I. Herrin. Birmingham, 1977, 195 p.

В марте 1975 г. в Бирмингеме состоялся симпозиум, посвященный проблемам иконоборчества. Доклады, прочитанные на симпозиуме, составили сборник статей, изданный под редакцией А. Брайера и Дж. Херрин, и стали, таким образом, достоянием широкого круга византинистов. В сборнике — 18 статей, подготовленных известными специалистами по истории Византии. Статьям предпослан список источников, а также выборочная библиография трудов, знание которых необходимо для изучения периода иконоборчества на современном уровне. В конце книги приводятся хронология иконоборческого периода и отрывки из источников, представленные в английском переводе.

Как известно, научный интерес к периоду иконоклазма имеет многовековую историю, однако, несмотря на кажущуюся изученность предмета, в настоящий момент мы не располагаем ни одним исследованием, которое вывело бы эту тему из замкнутого круга нерешенных проблем. В связи с этим избрание указанного периода темой симпозиума представляется чрезвычайно своевременным.

На симпозиуме иконоборчество рассматривалось с самых различных сторон. Большое внимание было уделено его идейным истокам, политическому содержанию и некоторым аспектам культуры Византии в VII—IX вв.

Прежде чем приступить к характеристике вопросов, которые обсуждались на симпозиуме, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в последнее десятилетие зарубежные ученые, как правило, ставят в центр своих исследований политические и идейные проблемы иконоклазма. Эта тенденция прослеживается и в докладах

симпозиума. При том, что на симпозиуме обсуждался широкий круг проблем, такие вопросы, как социально-экономические причины иконоборческого движения, его социальное содержание, остались забытыми.

Сборник открывает историческое введение, принадлежащее перу К. Манго. Характеризуя период в общих чертах, автор не выходит за пределы традиционного ряда проблем и предлагает обычное для зарубежного византиноведения их решение. К. Манго останавливается преимущественно на мотивах, побудивших Льва III выступить против иконопочитания. Вопрос не в том, замечает автор, почему иконоклазм возник вообще — подспудная вражда к иконам наблюдается в течение нескольких предшествующих веков, — а в том, по какой причине эта вражда всплыла на поверхность именно в VIII в. Далее К. Манго справедливо указывает на трудности, ожидающие исследователя, вставшего на путь выяснения зависимости иконоборческой политики императоров от иконоборческих настроений народных масс. В действительности невозможно установить, полагает К. Манго, был ли Лев III ответственным за введение иконоборчества или он воплотил в жизнь в виде реформ настроения, которые имели широкую народную поддержку.

К. Манго не склонен рассматривать иконоклазм как часть гражданских реформ императоров-исаврийцев. Автор видит за началом борьбы против икон не социальные, политические или идейные мотивы, а лишь фанатические суеверия. Лев III, по его мнению, сделался иконоборцем из суеверия, так как военный и политический успех с точки зрения византийца зависел от точного соблюдения им религиозной догмы. Изложенная точка зрения представляет собой часть общей концепции иконоборчества, разработанной К. Манго в его трудах.

Иначе вопросы, затронутые во введении, трактуются в статьях Дж. Херрин («Сохранение иконоборческой реформы») и Э. Арвейлер («География иконоборческого мира»).

Дж. Херрин не предлагает своего толкования причин возникновения спора по поводу икон в VIII в., не касается и самой сути спора. Рассматривая реформы Льва III и Константина V, автор выясняет соотношение между их политической программой в целом и собственно иконоборчеством. Дж. Херрин рисует исторический фон, на котором развивался иконоборческий спор, — двадцатилетнюю смуту в империи, способствовавшую успеху арабов и приведшую империю на край гибели; многостороннюю и успешную реформаторскую деятельность Льва III и Константина V, направленную на укрепление государства и стабилизацию государственной власти. Реалистическая внутренняя политика императоров и идеологический спор, по мнению автора, составляли два аспекта византийской общественной жизни VIII в. Дж. Херрин подчеркивает взаимозависимость этих двух аспектов, не придавая при этом первенствующего значения иконоборчеству. Борьбу против религиозных изображений она ставит в зависимость от военного и политического успеха Льва III. В заключение автор статьи указывает на то, что взаимоотношения между политическими событиями и религиозным движением не были статичными на протяжении всего периода иконоклазма, они менялись от десятилетия к десятилетью, и именно структура взаимозависимости, по ее мнению, требует дальнейших исследований.

Статья Э. Арвейлер лишь условно может быть названа «География иконоборческого мира». В действительности в ней излагается последовательная концепция иконоборческой эпохи. Э. Арвейлер продолжает ту традицию в историографии иконоборчества, в русле которой оно рассматривалось как крупное политическое движение VIII—IX вв. Однако французская исследовательница вкладывает в понятие «иконоклазм» более широкое содержание, чем это делали ее предшественники. Она видит в нем не столько борьбу государственной власти за главенство над церковью, сколько внутреннюю политику исаврийских императоров в целом, обусловленную чрезвычайным положением в империи.

Основываясь на исследованиях С. Джеро, Э. Арвейлер отвергает господствовавшую ранее в византиноведении так называемую «восточную теорию», согласно которой иконоборческие настроения были внушены Льву III епископами из восточных провинций. «Роль анатолийских епископов была неоправданно преувеличена», — подчеркивает исследовательница. Вопрос об иконах был намеренно поднят императором, который хотел предотвратить военную катастрофу и падение политической власти

всеми возможными средствами. Лев III, по ее мнению, действовал независимо от каких бы то ни было влияний, и иконоборчество, следовательно, представляло собой исключительно константинопольский феномен.

Э. Арвейлер обращает внимание на свидетельства источников о большом реализме императоров-иконоборцев и выделяет в их политике два основных момента. Во-первых, стремление к укреплению централизованной государственной власти в империи путем восстановления авторитета императора, подчинения армии, установления контроля над провинциями и главенства над церковью. Во-вторых, отказ от утопических в тот момент притязаний на мировое господство, а следовательно, и от универсалистской идеи. В связь с равнодушием к идее римского универсализма Э. Арвейлер ставит возникновение такого понятия, как византийский национализм. В источниках впервые стали употребляться слова «нация», «родина». Это и были приметы нового времени, каким явилось для Византии VIII столетие.

В сборнике рассматривается также проблема идейных истоков иконоклазма, прослеживаются его связи с еретическими движениями, в частности с павликианством и монофиситством.

Л. Барнард в статье «Теология образов» развивает теорию, согласно которой иконоборчество представляло собой вызов идее греко-римской преемственности с позиций иудаизма и раннего христианства. В области права это был вызов превосходству римского законодательства, так как иконоборческие императоры сделали попытку переработать законодательство на христианской основе, в области образовательных искусств — превосходству греческой традиции изображения. Традиция иконопочитания, отмечает Л. Барнард, восходит к философии язычества. Апология почитания образов была разработана Юлианом Отступником. Иоанн Дамаскин, придав этой теории окончательную форму, черпал свои доводы из философии Платона. Успех иконоборческой политики неизбежно привел бы к разрыву с национальной традицией, и поэтому борьба против икон была с самого начала обречена на неудачу.

Роли мусульманского влияния в возникновении византийского иконоклазма в VIII в. посвящена статья О. Грабара «Ислам и иконоклазм». Мусульманская идеология, без сомнения, с точки зрения Грабара, оказала влияние на культуру Византии VIII—IX вв., так же как и на культуру стран средиземноморского бассейна в целом, в то время как иконоклазм — явление сугубо византийское, выросшее на греко-христианской основе. Христианство страдало пигмалионовым комплексом и вынуждено было бороться с ожившими образами. Помимо этого, византийский иконоклазм представлял собой явление национальное еще и потому, что включал в себя не только теологический и эстетический аспекты, но и аспект политический.

В статье «Иконоклазм и монофиситство» С. Брок отрицает связь иконоклазма с христологической традицией.

Оставшиеся нерассмотренными статьи посвящены вопросам образования, литературы, искусства и архитектуры в VIII—IX столетиях.

Участники симпозиума высказали различные взгляды по поводу иконоборчества, однако в концепциях, предложенных ими, прослеживаются и определенные общие тенденции. Так, в современном зарубежном византиноведении преобладает интерес к первому периоду иконоборчества, второй же его этап по-прежнему остается менее изученным. Исследователей главным образом привлекают много раз дискутировавшиеся вопросы, такие, как идейные истоки иконоборчества и его место в политической истории VIII—IX вв. Высоко оценивается деятельность иконоборческих императоров, которых рисуют как мудрых правителей, выдающихся реформаторов и полководцев. Определяя иконоклазм как «константинопольский феномен» (Э. Арвейлер) или как «государственное иконоборчество» (К. Манго), ученые отрицают наличие в VIII—IX вв. иконоборческого движения в Византии.

Вопросы, рассмотренные на симпозиуме, продолжают оставаться дискуссионными, и тема эта далеко не исчерпана. Можно с уверенностью сказать, что дискуссия, состоявшаяся в Бирмингеме, послужит стимулом для дальнейших исследований в этой области.

Л. Б. Милованова